
ИСКУССТВО ЧТЕНИЯ

Дмитрий ПЭН

ДЫМ СТОЛБОМ — КИПИТ, ДЫМИТСЯ...

**Паровозъ: поэтический альманах-навигатор Союза российских писателей.
Состав № 9 — 2019. Составитель Алексей Пурин. — М.: Союз российских
писателей, 2019. — 368 с.**

И быстрее, шибче воли
Поезд мчится в чистом поле.

Н. Кукольник

Девятый номер вышедшего тиражом в тысячу экземпляров популярного общероссийского альманаха можно назвать манифестом петербургских поэтов. Предпосланная номеру вступительная заметка Алексея Пурина «Петербургский контекст» «петербургской» именуется «всю без исключения» русскую силлабо-тоническую поэзию» от времен од Ломоносова (1739) до наших дней. Эту идею развивает и углубляет композиционно «кольцующий» увесистый том девятый «багажный» раздел со статьями Владимира Вейдле и Андрея Арьева.

Дмитрий Пэн — доктор филологических наук, публицист, эссеист.

Выявляя «петербургскую поэтику», профессор Владимир Вейдле (1895–1979) концентрируется на акмеизме и в итоге противопоставляет его футуризму. Патетической хвалой «хранителям «петербургской поэтики», прежде всего Осипу Мандельштаму, Анне Ахматовой, Иосифу Бродскому и завершается статья.

Критик и историк литературы Андрей Арьев завершает альманах многостраничным эссе о царскосельской традиции от Александра Пушкина до Александра Кушнера. И этим «кольцует» сердцевину альманаха собственно поэтическое содержание со вступлением составителя. К нему и вернемся по законам «кольца». Осенней порой, на финишных днях которой читается альманах в хоть и не самом холодном, но далеко уже не бархатно-августовском Крыму, хочется и весны, оттепели, эх, сразу бы, минувшая зимние заморозки, которые и в Крыму бывают. С этим чувством и вчитываешься в слова: «...в 1960-е город дал стране и миру замечательных новых поэтов — Евгения Рейна, Александра Кушнера, Иосифа Бродского». Нельзя не согласиться! Оттепельные шестидесятые, они и Петербург согрели своим теплом, а не одну Москву авангардную...

Каждый из 75 авторов, включая и критиков, — оригинальная и яркая грань одного кристалла поэзии. Тропки одного сада. Цветы одного розария. Лепестки одного цветка поэзии. Вариации бесчисленны. Но вспомнили мы строгую и лаконичную графику берегов Невы с мостами и отражениями мостов одной из давних книг Аси Векслер. Сложилось воспоминание с первым впечатлением от композиции прочитанного альманаха, так и решили остановиться на образе кристалла. Кристалл — живое явление порядка и строя со своей музыкой гармонии в переливах света. Кристалл растет, и его прообраз в жидкой среде до отверждения можно увидеть и в незримом электромагнитном виде. Эта незримая предметность и прельщает. Она и относит нас к эпизоду слов, которые у бессмертного Франсуа Рабле обретают на полярном холоде вид звонких ледышек. Так и северное сияние, воспетое Михаилом Васильевичем Ломоносовым, если не запускать его в футуристические центрифуги и призмы Пастернака, способно предстать живым кристаллом в электромагнитном поле новейшей поэтической жизни. Люминесценция поэтических эфиров и субстанций — кристаллизация особого рода, незримая и невесомая. Позволим уж себе такую структурно-сюрреалистическую художественную вольность в эссе. Итак, поэтические грани.

Традиции Гумилева оживляет Михаил Александр в стихотворении с эпитафией из Пабло Пикассо, чья «Герника» предостерегает от фашизма у входа в зал заседаний Совбеза ООН. Тревожат экспрессией бытовых подробностей бытия Ольга Аникина, романтическим образом «Летучего Голландца» Евгений Антипов, щемящей картинкой выброшенных на помойку книг Фета и Пришвина Алексей Ахматов, реминисценцией из «Бесов» Пушкина Владимир Бауэр. В крещендо усиления пиком прелюдии тревог предстает сама судьба опального лирика Анатолия Бергера. Пик приглушается у Валерия Бобрецова мыслью, что «нормальный рехнулся давно бы» (с. 32). Так поэт подчеркивает обычность петербургской напряженности экспрессий. О «беззащитности всего живого» напоминает Тамара Буковская. О таинственности жизни ностальгирует Александр Вергелис, а печалится тому, что «в Европе учат жить, в России умирать», Татьяна Волтская, но весело, оптимистично «каламбурением» завершает первый раздел альманаха Николай Голь.

Во втором разделе начинает звучать тема детства. Осколками соц-арта в подсветке софитов из «игрушечного того Магадана» может привидеться оно из стихов Бориса Григорина. Но не из того ли мира мальчиков Дейнеки, где «прошло время льнянки, из старой кожи», выходят и ангел, который «колобку все прощает», и сам колобок Дмитрия Григорьева? А вот Виталий Дмитриев одним уколом веретена возвращает читателя в допетровские сны сказок о спящих царевнах. Арестантом апрель, старость,

зубом под наркозом напомнят у Елены Дунаевской: «Ребята, у нас безнадежно», «...мы второгодники / в школе бесчестья...» (с. 62). Но спустя годы после детства героиня Елены Елагиной «в том краю, где нету зубной боли», поднимает тост, «чтоб Том Сойер не рос». А вот картежник в углах за «промокшими „Крестами“», словно сдувая в крике «лимитчицы-зимы сухое молоко», зайдет проклятием на языке Толстого в адрес не только пилотов-бомбардиров Энолы Гей, но и Микки-Мауса, Тома Сойера, хижины дяди Тома, да и не их одних, увы, здесь и театральную условность реплик в духе Шекспира зашкаливает. Что ж, это не в подсветке из Магадана. Это в декоруме раздела на фоне «Крестов» сама подсветка сработана у Владимира Захарова. А вот герой Валерия Земских решительно заявит, что не пойдет стрелять по окнам из рогатки, и приглашает: «Пойдем, мой друг, пойдем / и купим по арбузу...» (с. 72, пунктуация. — Д. П.). И как здесь не задуматься Галине Илюхиной о том, что такое «Ленинградское детство», а что такое «Петербургская колыбельная»? Уж эта яркая и оригинальная поэтесса знает вкус и запах горестей разных времен. И с недетской обреченностью и скорбью напряженно прозвучат многие слова у героя лирики Евгения Каминского, а после них и басенным персонажем предстанет воробей из-под крыши палатки перед возможностью напористо войти в репертуар комических ролей «делаться» «орлом с душой попугая». И здесь, когда читатель забывает о художественной условности, о ней напомнит новый автор — Вероника Капустина. Мол, да-да, потерпел кораблекрушение кораблик детства, но «у нас почти веселые глаза», нам даже интересно, что покажут нам, когда мы умрем.

Третий раздел в образе бабушки начинает Ольга Кириенко, а где бабушки, там и ловкий кот, в его образе и проворкует читателю Александр Комаров: «Я сам себе под нос мурлычу». Наверное, это из бабушкиного мира падают ангелы у Игоря Куберского. Но исчезает время под напряжением созвучий, где срифмованы Александром Кушнером «Бог» и «Блок». Мастерство не знает возраста, ведь тирания рифм дарует ему беспредельную юность. И после столь сильных аккордов может прозвучать лишь спасительно доверительная нота детства. В ее полете и зазвучит голос нового автора — Игоря Лазунина: «Воздушный змей перегрызает леску, / Свободой неосознанно влеком» (с. 102). Но вздрогнет и очнется от наваждений детства и юности Олег Левитан: «...вон старуха сидит пред тобой, / все в морщинах лицо и отчетно» (с. 108). Однако сказки отрочества, раз вошедшие в историю, они не оставляют человечество. И оживает в таинственной лаборатории Эрнесто Че Гевара де ла Серна, так и не понимая, что запястья его болят фантомной болью. Это уже Дмитрий Легеза. Его художественный мир. И «Вариациями на вечные темы» выводит «на решительной ноге» «из забвенья Чернышевского Н. Г.» Вячеслав Лейкин, рифмуя под Достоевского, чем словно пробуя подразнить уж очень правильного и уж очень классика — своего дальнего соседа по разделу Александра Кушнера. И с последними звуками «Блюза» Вячеслава Лейкина в стихи следующего автора входит тема не юности и не истории, но времени. Это у Валентины Лелиной: «И только ангел все меня тревожит / своим крылом невидимым, и тоже / мне шепчет, что я там была, была...» (с. 120). И вопреки времени оживет кораблик детства у Александра Леонтьева, ведь у тишины библиотек свои и время, и пространство. И уже не нагие нимфы на постаментах белеют у Валентины Лелиной, а бесшашные живые купания нагишом ошеломляют у Елены Литвинцевой. Так иронически оптимистично и завершится третий раздел.

Четвертый раздел грустной прагматикой «На фоне Петропавловки» предъявленных к оплате чеков открывает Борис Лихтентфельд. «Кипарис над обрывом завис», — меланхолически вторит ему воспоминанием об амурных неудачах герой Алексея Машевского, верящий в сказки о спящих красавицах. И словно стараясь этих красавиц разбудить, берет слово авангард: «БАЦ-БАЦ!!!» Это герой Арсена Мирзаева. Кабине-

том ужасов дохнет холодок из стихов Аллы Михалевиц, в которых «под ночные крики козодоя / страшно жить и страшно умереть» (с. 142). «...Приходится соглашаться / с формой яблока, помидора», — убеждает своего собеседника авангардистский голос Валерия Мишина. Рядом Сергей Николаев напоминает, что в жизни всегда есть место любви, и вводит героя наподобие могильщика из «Гамлета». Что ж, таковы сюжеты. Это уже словно разводит руками Наталия Перевезенцева. В ситуации жесткого экзистенциализма и почти готики вас введет героиня Екатерины Полянской. Вампирская тень Дракулы мелькнет в стихах Вадима Пугача.

Пятый раздел. Алексей Пурин. Безотрадная картина: «Пастернак смотрит на кремацию Маяковского». Это взгляд на московский авангард? Может, хоть в мрачно-багровом зареве заката? Да, и даже с грозным предвидением: «...в непоправимый час расплаты — / причалит к берегу Христос». Но кому предъявлять к оплате чеки Бориса Лихтенфельда? Ведь время, время вихревое, оно необратимо. Да. Похоже, мы в империи ужасов, друг. Вот и смолой оклеен пейзаж у Давида Раскина. О, кладовые ужасов переполнены подробностями! Перелистаем и попадем на педсовет к Владимиру Рецпертеру. Увы, и в мире этого автора все завершится Босхом. С красивого и страшно-го заката начнет свои странички Светлана Розенфельд, таким же пейзажем и завершит. Услышит ли Господь молитву Нины Савушкиной? Хочется надеяться, что да. Голосом обелиска обратится вдруг к читателю едва ли не посреди дворовых драк Валерий Скобло. «Воробышек, мой современник, / Нас время поймало в силок...» — утешит Анастасия Скорикова (с. 191). И предпочтет в собеседники крепость: «Здравствуй, Кронштадт, что-то сдали нервы...» (с. 194). А вот Калерия Соколова из иных экзистенциальных глубин обратится к душе. Батальными сценами Сергей Стратановский и вариациями на тему избиения младенцев Александр Танков завершат самый мрачный и безысходный раздел.

Шестой раздел поначалу пробует вовлечь в азарт скрипучим колесом Фортуны, колодой карт, шахматной доской у Александра Тенищева. Азарт сменяют печаль усталости, приходящей с «пустынными снами» и тундрой «возраста дожития» у В. Трофимова, фобия соседства с жертвой суицида у Елены Ушаковой, глоток воздуха свободы и «приступ страсти» у Александра Фролова и «булавка боли» у Валерия Черешни. И вот уже сетует герой Валерия Шубинского: «Нас, как грязных детей, не примут в игру...» (с. 228). И у Ларисы Шушуновой мы встречаем уже не игру, а «игрушки елочные старые», музейно-антикварную мишуру. А уж героиня Норы Яворской чувствует себя лишь служанкой жизни, а не хозяйкой, до игр ли, до азарта ли ей? И прельщает натура, а не искусство Вадима Ямпольского. И понятно, иску, искушение не в натуре. А голос натуральной школы силен и ныне в городе, помнящем «Физиологию Петербурга» и «Петербургские сборники». Впрочем, автопортреты не были жанром натуралистов и физиологов, которые хочешь не хочешь, а тоже одна из петербургских традиций литературы. Но примем альманах-манифест и с уточнением от В. Ямпольского: «Хороши мы, Господи, или плохи, / но собою являем портрет эпохи...» Однако не будем впадать в азарт от предложенного под финал раздела Михаилом Яновым перечня социальных формул для десятилетий нашей истории от двадцатых до девяностых. Краткими курсами еще сложнее поверить историю, чем альманахи обзорами.

В седьмом (международном) вагоне-разделе не ностальгируют по безвозвратно ушедшему российскому прошлому. О повторении сегодняшнего, а не прошлого мечтает Ася Векслер. Но вот с трудом свыкается со своим именем на испанском языке Ксения Дьяконова в Барселоне. И светло поет в ключах Елене Игнатовой кастальская вода. И ужас возможного будущего реален, а не что иное у Ольги Мартыновой. И вслед за Михаилом Яновым, завершающим предыдущий раздел, о формуле времен задумывается Михаил Окунь. Здоровое чувство реальности непосредственных ощущений отли-

чало автора «Медного всадника». В этом чувстве живая содержательная пушкинская традиция. О ней вспоминаешь, читая Бориса Парамонова, Евгения Сливкина и других авторов международного вагона-раздела.

В восьмом (почтовом) вагоне-разделе труд поэтов-переводчиков достойно дает панораму европейского спектра, в которой есть исключения и для поэтических красок Востока. Только в качестве переводчиков присутствуют здесь Виктор Андреев, Александра Глебовская, Ирина Михайлова, Сергей Степанов, но остальных авторов можно встретить и в других разделах. Строфу сонета Габриэле Д'Аннунцио (1863—1938) «Статуя» в переводе Анастасии Миролубовой приведем для иллюстрации европейских соответствий петербургской поэтике: «Кто спустится по лестнице крутой / К пруду, где лебеди, напряжив шеи, / Заглядывают искоса, робея / В сплетенье веток, в полумрак густой» (с. 296).

В девятом (багажном) вагоне-разделе поэтическое собрание авторов заключают историко-теоретические эссе Владимира Вейдле и Андрея Арьева. В этих итоговых публикациях альманаха-манифеста петербургская традиция силлабо-тонической поэзии обретает не только восторженных знатоков-ценителей, но и серьезных исследователей, хранителей-продолжателей.

Вот и прочитан в последние осенние дни альманаха. В жестких металлических сцеплениях прошли тексты Санкт-Петербургского состава перед глазами крымского эссеиста. Произвел состав на эссеиста волшебное впечатление. И был этим впечатлением поэтический кристалл победы над страшными мирами. Произведение не текст. Оставим тексты лингвистам. Впечатления и ассоциации — хлеб и театр эссеистики.

Что ж, кристалл не кристалл о 75 гранях, но таким вот русским сувениром в новейшем стиле понимания причуд Екатерины II увидели мы девятый номер «Паровоза». Приноровила эстетику мадам Помпадур к масштабам гиперборейским императрица. Приноровив, поставила на российскую имперскую службу Сенату и народу в назидание. Вот из таких императорских назиданий и зрим мы рождение кристалла поэзии в альманахе, питаемое и нашими читательскими воспоминаниями. Митьки? Масяня? Их нет здесь в альманахе. Выворачивающиеся из квадратов круги иначе бы прочли, иное бы узрели, иное иначе выразили. Но именно так прочел, так увидел эссеист в далеких крымских степях. И отразил в заметках на рубеже от осени до зимы. Критика, литература и другие искусства, они ведь всегда субъективны, театральны, вымыслом живут, над вымыслом смеются, над вымыслом и слезы льют. Что с них взять, снов и фантазий, грез и мечтаний.

А по реальной земле прошел в Крыму этими днями юбилейный поезд Победы. Впереди реальная зима, но Крым не торопится с холодами. Лето прекрасной Тавриды соединяется с зыбкими в своих осенне-весенних хлябях временами. На полуострове, где родилась славянская письменность, всего два сезона — лето и осенне-весеннее безвременье. И здесь моря всех флагов с болотами встречаются. Знали и крымские берега времена блокадные. Был в Крыму когда-то и автор «Медного всадника», а любитель длинных вещей и назиданий даже вдохновился одним зимним вечером в Ялте стихотворением. Но и до настоящего зимнего вечера пока далеко, и до Ялты из степей неблизко.

И пусть ваш покорный слуга-эссеист, любезные читатели, торопится подметить отнюдь не разность именно между берегами Невы и Тавриды, думается, повсюду в городах и весях словесности российской встретят Санкт-Петербургский состав Московского «Паровоза» с радушием не меньшим, чем у крымского эссеиста-обозревателя. И не в одной только Москве Первопрестольной, но и в самом Санкт-Петербурге, в Петергофе и Тамбове, в Ростове-на-Дону и Орле, в Смоленске и Воронеже. Нет сомнений, что и в Уфе, подобно Москве, на семи холмах стоящей.

Не знает отечество российской словесности границ, ведь на всех берегах, повсюду россов речь жива и слышна. Языки народов дружнее государств и правительств, а все писатели говорят на одном языке, языке наделенного воображением чувствительного сердца. А посему надеется эссеист, что простятся ему и вольности творческих фантазий, вызванных альманахом.